

Глава первая

В. И. ЛЕНИН И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НА ДВОРЯНСКОМ ЭТАПЕ ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

I

Богатое идейное содержание и своеобразие русской общественной мысли, подготовившей почву для восприятия лучшими людьми России марксизма, с самого начала привлекало к себе внимание молодого В. И. Ленина.

Формирование его взглядов совершалось под влиянием передовых традиций революционного движения. Ленинизм стал не только дальнейшим развитием марксизма, но высшей ступенью русской общественной мысли.

В. И. Ленин и вышестоявшая им Коммунистическая партия с величайшим вниманием относились к наследию русской революционной мысли. Критическое изучение ее богатого опыта, оценка ее с классовых позиций являлись одной из линий идеологической борьбы, служили коренным интересам революции.

В сочинениях В. И. Ленина и его соратников, в руководимых В. И. Лениным партийных газетах («Новая жизнь», «Искра», «Правда» и др.) не раз утверждалась мысль о связи текущей идейно-политической борьбы рабочего класса с прогрессивными традициями великих представителей русской литературы и общественной мысли начиная от Радищева, декабристов и Герцена. В статье «О национальной гордости великороссов» (1914), где В. И. Ленин гневно упоминает о насилиях, гнете и издевательствах, которым подвергают родину царские палачи, дворяне и капиталисты, он с большим пафосом говорит о славных предшественниках русских революционеров-пролетариев: «Мы гордимся тем, что эти насилия

вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».¹

Ленин, говоря о подавлении царизмом протестующих и недовольных, наименовал время, когда «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и „спускали“ на верноподданных Аракчеевых».² Далее здесь же упомянуто 14 декабря 1825 г. и события революции 1848—1849 гг. Таким образом, Радищев совершенно четко отнесен Лениным к представителям революционной мысли. Для В. И. Ленина было, конечно, очевидно, что и Радищев, и декабристы принимали самое непосредственное участие в той решительной битве «против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях», которая, как указывает Ленин, развернулась в новейшее время в Европе.³ Бесспорно Радищев противопоставляется либералам и ставится в один ряд с поколением дворянских революционеров. И если Ленин не относит его формально к первому периоду революционного движения, то объяснение этого явления следует, вероятно, видеть в том, что первая оформленная революционная организация возникла лишь после смерти Радищева.

Идейная же его связь с первым поколением русских революционеров несомненна. Несмотря на запретность, «Путешествие из Петербурга в Москву» — большей частью в списках — было известно многим декабристам.

В 1817 г. вместе с гвардией, совершившей переход из Петербурга в Москву, будущие декабристы прошли по пути Радищева и убедились в том, что в разоренных крепостниками поселениях за четверть века, прошедших со времени написания «Путешествия», ничто не изменилось.⁴

Решительный противник самодержавия и радикальный враг крепостничества, Радищев признавал право народа на восстание, видел в народе движущую силу истории. Но было бы неверно на этом основании отрывать его от декабристов и делать

¹ В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

² В. И. Ленин. Гошители земства и Англибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 30.

³ В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

⁴ В. Базаилов. Очерки декабристской литературы. М., 1953, стр. 35—36 и др.

в этом смысле его прямым предшественником Чернышевского. С полным правом декабристы могли бы повторить слова Пушкина: «вослед Радищеву восславил я свободу».

Для современников идейная связь декабристов с Радищевым представлялась очевидной. Когда Н. Тургенев поехал из Петербурга в Москву на съезд Союза благоденствия, близкий ему П. А. Вяземский выразил опасение: «Только не доехать бы ему таким образом от Петербурга до Москвы и далее как Радищеву».⁵

В отличие от четких границ разночинского и пролетарского периодов Ленин, как известно, не давал столь определенных границ дворянского периода освободительного движения. В одном случае он обозначил его рамками «примерно с 1825 по 1861 год»,⁶ а в другом относил поколение революционеров-дворян к первой половине прошлого века.⁷ В первом случае он, очевидно, говорил о начальной дате открытой революционной борьбы — 14 декабря 1825 г., во втором — о периоде деятельности дворянских революционеров в целом. Естественно, что при характеристике событий общественного движения на первый план выдвигается первая дата, при освещении явлений общественной мысли целесообразнее пользоваться более широкими пределами второй датировки.

В этом случае в рамки периода (первая половина XIX в.) включается и формирование взглядов декабристов, и творчество поэтов и публицистов радищевского круга, и, наконец, сам Радищев, который по определяющим чертам своего мировоззрения принадлежит не столько к XVIII, сколько к XIX в.

Одним из наиболее живых и принципиальных вопросов истории освободительного движения, полностью сохранившим к началу XX в. политическую остроту, был вопрос об оценке первых русских революционеров-декабристов.

Сразу же после восстания 14 декабря выявились две противоположные концепции этого движения. Многие из его участников на следствии поневоле стали историками своего дела. Свидетельства П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова и ряда их товарищей заложили основу революционного понимания декабристского движения. Однако Николай I скрыл от общества показания декабристов. Правительство выдвинуло собственное объяснение деятельности тайного общества. В русской и зарубежной печати получило распространение лживое

⁵ Остафьевский архив, т. II, СПб., 1899, стр. 136—137.

⁶ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

⁷ В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 255.

«Донесение Следственной комиссии», которое замалчивало проекты отмены крепостного права и другие лозунги восстания.

Затем появилась (публичное издание 1857 г.) столь же тенденциозная книга барона М. А. Корфа «Восшествие на престол имп. Николая I», основанная на записках самого Николая I и самим же царем редактированная. Декабристы обрисованы Корфом как горсть «молодых безумцев», «чуждых нашей святой Руси».

Начальные попытки опровергнуть официальную ложь и восстановить подлинную историю движения 20-х годов принадлежали самим декабристам. Статья М. С. Лунина и Н. М. Муравьева («Разбор Донесения Следственной комиссии» и др.), «Записки» Якушкина и других декабристов, напечатанные Герценом в «Полярной звезде», помогли разоблачить правительственное толкование событий 1825 г.

Герцен по существу явился первым историком движения декабристов. В своих брошюрах «О развитии революционных идей в России» (1851), «Русский заговор 1825 г.» (1857) Герцен высоко поднял декабристов — «эту первую фалангу» русского освобождения. Герцен переоценил зрелость идеологии декабристов, ошибочно считал Пестеля социалистом, но он правильно понял причины поражения восстания 14 декабря («заговорщикам не хватало народа») и верно определил его историческое значение («пушки Исаакиевской площади разбудили целое поколение»). К поколению, разбуженному громом 14 декабря, принадлежали Белинский и петрашевцы. Высоко ценили подвиг декабристов революционеры-разночинцы 60—70-х годов.

Как известно, сочинения Герцена в России во второй половине XIX в. были запрещены, а университетские ученые по существу обходили декабристское движение. Официальной поддержкой пользовались труды дворянско-консервативных историков (М. И. Богданович, Н. К. Шильдер, Н. Ф. Дубровин). Но в целом к началу XX в. правительственная концепция изживает себя. Ее место постепенно занимает «либеральная легенда» о декабристах.

С 70-х годов известной популярностью пользовались «Очерки общественного движения при Александре I» А. Н. Пыпина, с большим сочувствием излагавшие взгляды декабристов и содержавшие новые тогда материалы. Но Пыпин смотрел на декабристов с либеральных позиций, затушевывая их революционные устремления. Этой тенденции следовали с теми или другими оттенками в начале XX в. историки буржуазно-либерального направления — М. В. Довнар-Запольский, Н. П. Павлов-Сильванский, а также А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов, П. Н. Милоков.

Значительнейшим достижением дореволюционной историографии декабризма является большой труд историка народнического направления В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (1909), основанный на огромном архивном материале, впервые им изученном.

Как демократ, Семевский особо выделял республиканские и особенно общинно-аграрные планы Пестеля, вместе с тем, как народник, он видел в них зачатки социализма. Сторонник субъективной социологии, Семевский рисовал декабристов представителями «внеклассовой интеллигенции», преувеличивал иностранное влияние на их идеологию.

Первая попытка марксистской оценки движения декабристов принадлежит Г. В. Плеханову (речь, произнесенная в Женеве в 1900 г. «14 декабря 1825 года»). Хотя эта речь не содержала классового анализа декабризма, она устанавливала преемственность революционных традиций в России, начатых декабристами. Значение этой речи определяется и тем, что в те дни буржуазная русская печать обошла позорным молчанием памятную дату 75-летия со дня восстания 14 декабря 1825 г.⁸

Громадное принципиальное значение имело в тот момент появление первого номера ленинской «Искры» с эпиграфом, которому суждено было стать пророческим: «Из искры возгорится пламя».

Эти строки из стихотворения А. И. Одоевского сопровождались подписью: «Ответ декабристов Пушкину».

Как справедливо отметила М. В. Нечкина, подпись подчеркивала большой общественный смысл этой стихотворной строки: «Мысль о связи революционных поколений должна промелькнуть у каждого читателя ленинской „Искры“».⁹

Упоминания В. И. Лениным в работах 1901—1905 гг. декабристов несомненно содействовали утверждению в рядах большевистской партии, в широкой демократической среде идеи о преемственности революционных поколений. В 1905 г. статьи, посвященные памяти декабристов, появляются в рабочих газетах Одессы и Красноярска. Передовая статья большевистского «Кавказского рабочего листка» в декабре 1905 г.

⁸ Только в 1905 г. либерально-буржуазные политики открыто вспоминали о декабристах и попытались представить их своими предками. Этой цели служили статьи в «Русских ведомостях» (1905, № 325) и в кадетской «Полярной звезде» (1905, № 1, 15 декабря), где выступали Ф. Родичев и А. Пресняков.

⁹ 27 (14) декабря 1905 г. в Петербурге в зале Павловой был устроен банкет либеральных деятелей в память декабристов (Э. Авенар. Кровавое воскресенье. Одесса, 1925, стр. 59—64).

⁹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 19.

связывала текущие события с памятной датой 80-й годовщины со дня восстания 14 декабря 1825 г. «Восьмидесятая годовщина восстания декабристов совпадает с моментом всеобщей политической стачки, когда воспрянувшая ото сна Россия, охваченная революционным пожаром, мобилизует свои силы для последней и решительной схватки с грозными твердынями самодержавия и тем самым исполняет завет героев 14 декабря 1825 года».¹⁰

В. И. Ленин еще в юности услышал о декабристах. Отец его цитировал не только Пушкина и Лермонтова, но и Рылеева.¹¹ О подробностях декабрьского восстания, о взглядах декабристов на крестьянский вопрос он мог узнать из сочинений Герцена, но прежде всего от своего брата Александра, который усердно посещал в Университете (а затем в числе избранных и на квартире уволенного профессора) лекции В. И. Семевского по крестьянскому вопросу,¹² в которых детально излагались записки декабристов с проектами уничтожения крепостничества (эти лекции в сжатом виде излагали содержание его труда «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.», вышедшего уже после казни А. И. Ульянова).

Во всяком случае, когда в декабре 1895 г. произошел полицейский разгром петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», В. И. Ленин и другие «старые» деятели «Союза» с гордостью называли себя овеянным революционной славой именем «декабристов». Об этом прозвище «стариков» В. И. Ленин вспомнил в книге «Что делать?»,¹³ вышедшей в 1902 г., почти в канун первой русской революции.

В своих работах В. И. Ленин неоднократно упоминал о революционных предшественниках рабочего класса и об уроках освободительной борьбы, начало которой положили события 14 декабря 1825 г. («Роль сословий и классов в освободительном движении», «Из прошлого рабочей печати в России», «Памяти Герцена», «Доклад о революции 1905 года» и др.). В. И. Лениным впервые была создана марксистская концепция движения декабристов, указано на их классовую принадлежность, на их место в истории освободительной борьбы. В своих трудах В. И. Ленин не только напоминал о традициях декабристов, но и призывал самым внимательным образом изучать их опыт, видеть не только их достоинства, но и недостатки.

¹⁰ Цит. по: М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 22.

¹¹ Л. Иланинский. Молодой Ленин. М., 1964, стр. 104.

¹² А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об А. И. Ульянове. М.—Л., 1931, стр. 90; ср.: Воспоминания И. Д. Лукашевича. В сб.: Александр Ульянов и дело 1 марта 1887 г., М.—Л., 1927, стр. 189—190.

¹³ В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 34.

Изучение восстания декабристов велось теоретиком и вождем большевистской партии в неразрывной связи с текущими революционными задачами. Сравнение условий 1825, 1881 и 1905 гг. несомненно содействовало более успешному усвоению этих задач большевиками-ленинцами. Не удивительно, что В. И. Ленин одобрительно отнесся к включению в программу занятий крестьянских кружков лекции по истории борьбы за политическую свободу, где упоминались и декабристы.¹⁴

Важнейшей заслугой декабристов В. И. Ленин считал их вооруженное выступление против царского деспотизма. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...», — говорил он в «Докладе о революции 1905 года».¹⁵ Вместе с тем в своих статьях он выделял два главнейших программных положения декабризма — лозунги республики и отмены крепостного права.

Незадолго до первой русской революции, прошедшей под лозунгом «Долой самодержавие!», Ленин выдвигал задачу «создать и упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс русских рабочих», так как «только в республике может произойти решительная битва между пролетариатом и буржуазией». В пояснительной ссылке к слову «создать» В. И. Ленин напоминал, что старые русские революционеры не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, «если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов».¹⁶

Отделив декабристов от тех, кто с пренебрежением анархистов относился к политике или не считал лозунг республики «практическим» вопросом, В. И. Ленин одновременно признал, что их требование все же не стало лозунгом борьбы для последующих поколений. «... на долю социал-демократов, — писал он, — выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров».¹⁷

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин высоко оценил огромное значение другого программного лозунга декабристского движения, унаследованного последующими поколениями борцов, в том числе Герценом: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. „Поллярная звезда“ подняла традицию декабристов. „Колокол“

¹⁴ Ленинский сборник, т. XIX. М., 1932, стр. 466—468.

¹⁵ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

¹⁶ В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 319.

¹⁷ Там же.

(1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.¹⁸

Упоминание декабристов в одном ряду с Герценом, установление связи революционных поколений вообще очень характерно для большинства высказываний В. И. Ленина о деятелях русского освободительного движения.

Только что цитированную статью «Памяти Герцена», написанную за пять лет до Великого Октября, Ленин заключает проникновенными словами: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».¹⁹

Со всей определенностью В. И. Ленин отнес здесь декабристов и Герцена — первое поколение русских революционеров — к революционерам-дворянам, указал на узкий круг этих борцов, на их отчужденность от народа. Еще в 1906 г. Ленин обращал внимание на разницу между «дворянской революционностью декабристов, — разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народолюбцев, — и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века».²⁰ Но принципиальное классовое отличие одного поколения от другого не заслонили от Ленина преемственность лучших традиций освободительного движения.

В хронологическом отношении грани между этими этапами более четко были проведены В. И. Лениным в статьях «Роль сословий и классов в освободительном движении» (1913) и «Из прошлого рабочей печати в России» (1914).

Во второй из этих работ дворянский период определяется рамками примерно с 1825 по 1861 г. и утверждается, что «самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен».²¹

В первой же статье Ленин характеризует этот период: «Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ».²²

¹⁸ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 258—259.

¹⁹ Там же, стр. 261.

²⁰ В. И. Ленин. Политический кризис и провал оппортунистической тактики. Поли. собр. соч., т. 13, стр. 356.

²¹ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 93.

²² В. И. Ленин. Роль сословий и классов в освободительном движении. Поли. собр. соч., т. 23, стр. 398.

Последнее утверждение показывало ошибочность и несостоятельность той будто бы марксистской оценки движения декабристов, которую давал в 1907 г. М. С. Ольминский, прямо выводивший из классовой принадлежности декабристов сущность их идеологии и замыслов. В стремлении «разрушить легенду» Ольминский заявлял тогда, что «декабристы боролись не против господства, а за изменение формы господства своего класса». ²³ Подобная схема в духе вульгарного «экономического материализма» дошла в виде единичных статей в газетах чуть не до 1925 г., однако она не могла получить признания в рядах марксистов.

В своем «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин определенно говорит о декабристах как зачинателях революционного движения в России и особо выделяет не только социальный слой, к которому они принадлежали, но и объективную обстановку эпохи, в которой им пришлось действовать. «Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн». ²⁴

Оценивая характер и происхождение движения декабристов, В. И. Ленин указывает не только на чисто теоретическое влияние Запада; он связывает истоки декабристской идеологии с общественно-политической обстановкой в России в эпоху Отечественной войны и освобождения Европы от наполеоновского господства.

На идеологии общественного движения 1820-х годов бесспорно отразился рост национального самосознания русского народа, начавшийся в результате победоносной войны против нашествия Наполеона.

«Мы были дети 1812 г.», — с полным правом говорили о себе декабристы. ²⁵ Невиданный патриотический подъем масс в годовщину Отечественной войны, когда славные осласности, по выражению Н. Г. Чернышевского, «пробудили к новой жизни русскую нацию», ²⁶ вызвал в передовых офицерах чувство уважения к своему народу, стремление напомнить о его национальных заслугах и традициях, забытых дворянской аристократией. Не один только И. Д. Якушкин признавал, что «война

²³ М. Ольминский. Разрушение легенды. «Вестник жизни», 1907. № 3, стр. 77.

²⁴ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года, стр. 318.

²⁵ В. Е. Якушкин. М. И. Муравьев-Апостол. «Русская старина», 1886. № 7, стр. 159.

²⁶ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV. М., 1948, стр. 765.

1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании». ²⁷

Освобождение России и Европы русской армией служило доказательством, по мнению декабристов, способности русского народа «к самостоятельным действиям, и следовательно, и к самоуправлению». ²⁸

Декабристы желали видеть свободным «русский народ, первый по славе и могуществу своему». ²⁹

Реальные основы и идейные источники мировоззрения декабристов несомненно не исчерпывались родной почвой. В первой четверти XIX в. еще очень жива была память о событиях великой французской революции, явившейся глашатаем освободительных идей новой эпохи. В заграничных походах будущие революционеры увидели уже освобожденные от феодальных пут народы, близко познакомились с учреждениями и принципами прогрессивной буржуазной демократии.

Несомненно также знакомство многих из них с новейшей социально-политической литературой различных буржуазно-демократических оттенков, и в том числе с произведениями великих утопистов начала XIX в. В библиотеках видных деятелей тайного общества были целые коллекции книг о революциях во Франции и Испании, ³⁰ в Греции, Неаполе и т. д.

Французская революция 1789 г., по свидетельству мемуаристов, была чуть ли не ежедневным предметом разговоров и жарких споров в среде деятелей тайного общества. Но лишь немногие деятели из их числа, такие как Пестель, могли заявить, что Франция блаженствовала под управлением Комитета общественного спасения. ³¹

Ограниченность дворянских революционеров сказывалась в том, что большинство сподвижников Пестеля, в том числе М. Ф. Орлов, «ненавидели преступления и любили правила французской революции». ³² В этом отношении близкие к Никите Муравьеву члены Северного общества напоминали таких известных деятелей 1789 г., как маркиз Лафайет и граф Мирабо. Готовые признать заслуги этих более чем умеренных революционеров и аристократов, они с ужасом говорили о Ро-

²⁷ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 7.

²⁸ Д. И. Завалишин. Записки декабриста. М., 1905, стр. 104.

²⁹ Показание В. Кюхельбекера. В кн.: Восстание декабристов, т. II. М.—Л., 1926, стр. 166.

³⁰ Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 79.

³¹ Записки С. П. Трубецкого. М., 1905, стр. 12—13.

³² М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 50.

беспьере и Марате. Одобряя «Декларацию прав» 1789 г., составленную Лафайетом, большинство декабристов, как бы следуя этому деятелю французской революции, порицало якобинскую диктатуру. «Революция во Франции, столь благотельно начатая, к несчастью, наконец, превратилась из законной в преступную. Но не народ был сему виною, а пронырства дворов и политики», — писал русский дворянский революционер П. Г. Каховский,³³ который, впрочем, в практических планах восстания был гораздо решительнее неудачливого защитника трона Людовика XVI Лафайета. Главную заслугу революции Каховский видел в том, что она «сильно потрясла троны Европы и оказала влияние на народы».

Пестель и отчасти Тургенев вместе с тем говорили о нерешенности задач французской революции, ибо «аристократия богатства» заменила «аристократию феодализма».

Декабристы внимательно присматривались и к развитию политических событий на Западе после наполеоновских войн. Их воображение особенно волновали известия о революционных событиях в Европе и Америке в начале 20-х годов. Н. А. Бестужев, М. А. Фонвизин, Н. И. Кутузов осуждали Священный союз и открыто выражали симпатии испанским революционерам Риэго и Кироге, итальянским карбонариям.

Хорошо известен факт знакомства многих членов тайного общества с государственным устройством передовых стран Запада. Помимо П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева, знатоками конституции были К. Ф. Рылеев и Н. А. Бестужев, С. Г. Волконский, А. В. Поджио, В. М. Голицын и другие члены тайного общества. И сторонник централизованной республики П. И. Пестель, и защитник конституционной монархии Никита Муравьев в своих конституционных проектах в какой-то мере учитывали основные принципы государственного установления США — первой крупной республики нового времени.

Глубокое воздействие на дворянских революционеров оказала международная обстановка начала 20-х годов. В южной Европе и в Южной Америке народы с оружием в руках взялись за дело своего освобождения. В 1817 г. началось республиканское восстание в Бразилии, а затем в Португалии; в 1815—1819 гг. шла борьба за конституцию в Вюртемберге. Весной 1820 г. вспыхнула революция в Испании, а осенью того же года в Неаполе, Португалии, Бразилии, Сан-Доминго. Весной 1821 г. поднялся против австрийского владычества Пьемонт, а осенью восстала против турецкого гнета Греция. «Что почта,

³³ Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906.

то революция», — восхищенно записывал в своем дневнике декабрист Н. И. Тургенев.³⁴

Наиболее авторитетный дореволюционный историк декабристского движения В. И. Семевский в своем фундаментальном труде о политических и общественных идеях декабристов свел воедино все разнообразные западноевропейские влияния на русскую мысль. Однако в результате получилась чрезвычайно пестрая картина, скорее даже причудливый калейдоскоп, в котором невозможно найти какую-либо общую закономерность. Это и не удивительно, ведь в глазах Семевского декабристы выступали лишь как выразители взглядов «образованного общества», а не как выходцы из определенного класса, социального слоя.

Только классовая оценка сущности декабризма могла помочь в установлении характера идейных влияний.

Данное В. И. Лениным определение классовой принадлежности декабристов как дворянских революционеров помогает увидеть генетическую их связь с дворянскими революционерами эпохи французской революции и вместе с тем вскрыть буржуазно-демократическое содержание их идеологии. Поэтому и наиболее серьезные теоретические влияния, которые испытало мировоззрение передовых русских дворян в канун 1825 г., не могло не иметь буржуазно-демократической окраски.

В отличие от Франции, где к концу XVIII в. было достаточно сильное третье сословие, возглавляемое буржуазией, Россия в первой четверти XIX в. в силу отсталости общественно-экономических отношений еще не имела сколько-нибудь самостоятельного третьего сословия. Русская буржуазия не только не претендовала на политическую роль, но и не мыслила себя вне дворянско-крепостнической империи, ее полицейско-бюрократической опеки.

В этих условиях носителями идей антифеодальных преобразований выступили дворянские революционеры. За редкими исключениями они не думали о подражании якобинцам, сочувствуя или аристократам в рядах активных деятелей Великой революции, или по крайней мере жирондистам. Но каковы бы ни были их субъективные симпатии, дворянские революционеры явились выразителями буржуазно-демократических идей, сопутствующих в политической и идеологической сфере антифеодальному и антикрепостническому движению.

То обстоятельство, что В. И. Ленин считал возможным отнести идеи декабристов к демократическим, свидетельствует о том, что между движением дворянских и разночинских революционеров существует прямая преемственность, хотя демо-

³⁴ Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III, Пгр., 1921, стр. 241.

кратизм разночинцев был более последователен, нежели демократизм дворян-офицеров. Признание декабристами верховной и суверенной власти народа, «народодержавия», прав угнетенных народов — все дает основание, как отмечает М. В. Нечкина, «в плане буржуазной революционности и борьбы с самодержавием назвать передовые идеи декабристов в общем смысле слова демократическими».³⁵

Высказывание В. И. Лепина о соприкосновении декабристов с демократическими идеями Европы не допускает упрощенного понимания мировоззрения декабристов как внешнего, наносного, вызванного иностранными влияниями. Оно не дает также основания, как это делалось русскими буржуазными историками кадетского направления, отождествлять движение декабристов с дворянско-оппозиционной фрондой или рисовать их как либерально-буржуазных реформаторов.

Но определение В. И. Лепина не позволяет также считать декабристов, или по крайней мере некоторых из них, социалистами, как это делал народнически настроенный историк В. И. Семевский. Несомненно, что декабристы интересовались утопическим социализмом, а кое-кто из них даже лично был знаком с утопистами. Сохранилось, например, известие, что Сен-Симон возлагал большие надежды на декабриста Лунина, а Н. И. Тургенев посещал фабрику Оуэна в Нью-Лэнарке.

Но совершенно очевидно, что в целом тайное общество было далеко от социалистических идей, несмотря на неудовлетворенность передовых деятелей не только феодальным, но и буржуазным общественным строем, что проявилось в критике английского парламента как орудия господствующих классов П. И. Пестелем и Н. А. Бестужевым, в осуждении рабства негров в США М. С. Луниным и т. д.

Благодаря глубокому изучению общественно-политической жизни Запада отдельные декабристы, и в первую очередь П. И. Пестель, Н. А. Бестужев, Н. И. Тургенев и некоторые другие, еще в середине 20-х годов начали понимать ограниченный и формальный характер буржуазной демократии, подметили антинародные черты английского политического строя, которым восхищались тогда многие члены тайного общества.

По словам Пестеля, обе палаты британского парламента «существуют для одного только покрывала», ибо имущественный ценз устраняет от политической деятельности большинство граждан.³⁶

³⁵ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 28.

³⁶ П. И. Пестель. Русская Правда. В кн.: Восстание декабристов, т. VII. М., 1958, стр. 214.

Критика отдельными декабристами в начале 20-х годов политического строя Англии еще не означала, конечно, отрицания капиталистического строя вообще. Русских революционеров скорее смущала неразвитость буржуазно-демократических свобод. Только у Пестеля, пожалуй, да и то с известными оговорками, можно найти зачатки новых, социально-утопических тенденций. Seriously утопическим социализмом, как можно судить по имеющимся материалам, декабристы заинтересовались лишь в Сибири.

В мировоззрении декабристов сказалось довольно заметно и влияние новейшей буржуазно-демократической историографии Запада, знакомство с трудами таких видных историков-демократов, как Тьерри и Минье.

Некоторые из декабристов — П. И. Пестель, Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев — уже обращали внимание на роль классов в общественном развитии, начинали понимать, что не царь, а народ является творцом истории.

В ответ на льстивое посвящение Карамзиным своей «Истории государства Российского» Александру I — «История народа принадлежит царю», — Никита Муравьев начал свою записку «Мысли об Истории Карамзина» словами: «История принадлежит народу».³⁷ С этим девизом горячо согласился Н. И. Тургенев: «История народа принадлежит народу — и никому более. Смешно дарить ею царей».³⁸

В самое сердце разили старую феодально-дворянскую историографию проникнутые искренним сочувствием к народу слова Николая Бестужева: «До сих пор история писала только о царях и героях; политика принимала в рассуждение выгоды одних кабинетов; науки государственные относились к управлению и умножению финансов, но о народе, о его нуждах, его счастье или бедствиях мы ничего не ведали, и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государств; обширность торговли, богатство купечества и бабков — за благосостояние целого народа; но ныне требуют иных сведений: нынешний только век понял, что сила государств составляет из народа, что его благоденствие есть богатство государственное и что без его благоденствия богатство и пышность других сословий есть только язва, влекущая за собою общественное расстройство».³⁹

³⁷ Н. М. Муравьев. Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина». «Литературное наследство», т. 59, М., 1954, стр. 582.

³⁸ Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III, стр. 114—115.

³⁹ Н. А. Бестужев, Статьи и письма, М.—Л., 1933, стр. 93.

Одно из наиболее существенных отличий дворянских революционеров от революционеров-демократов последующей эпохи заключалось в отношении к народу. И те, и другие выступают во имя народа, но если первые в свои планы не включают активных действий народа, то вторые видят в нем подлинную опору и силу для переворота.

Предшественниками русских революционеров-разночинцев среди декабристов порой считают в особенности членов Общества соединенных славян, которые видели гарантию успеха восстания только в поддержке народа.⁴⁰

Однако эти разночинские элементы движения почти не влиялись, ибо «славяне», влившись в Южное общество, на практике стали следовать тому курсу на военную революцию, который до того они осуждали в теории.

Различие между Обществом соединенных славян и Южным обществом существенно, но нельзя его и преувеличивать. Дело не только в том, что декабристы в большинстве случаев опасались разбудить стихийно-бунтарские настроения крестьянства, еще хранившего смутную память о Пугачеве, но и в том, что в начале 1820-х годов крестьянство не было готово к организованной, действительно массовой борьбе. Не готова была поддержать офицеров-дворян и солдатская масса. Об этом совершенно определенно напоминал В. И. Ленин: «Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно».⁴¹ Замечание это чрезвычайно важно для понимания действительных возможностей задуманного декабристами переворота. Оно помогает также понять, что тактика военного восстания, принятая декабристами, определялась не только классовой ограниченностью замысла, не только счастливыми на первых порах примерами провозгласившего в Испании и других странах в начале 20-х годов прошлого века, но и тем, что не было еще в то время одного из важнейших признаков революционной ситуации, субъективной ее предпосылки — готовности народа к революционной борьбе. Необходимость этой предпосылки была в полной мере выяснена В. И. Лениным в его учении о революционной ситуации («Крах II Интернационала», 1915, и др.). Таким образом, замечание Ленина по поводу движения декабристов в «Докладе о революции 1905 года» имеет итоговое и принципиальное значение не только как последняя по времени, но и вместе с тем и как наиболее всесторонняя оценка восстания декабристов.

⁴⁰ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 164—165.

⁴¹ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года, стр. 318.

Ленин вновь охарактеризовал здесь значение декабристов как зачинателей революционного движения в России, указал на историческую эпоху, вызвавшую к жизни их освободительную идеологию, отметил прогрессивное влияние передовых идей Запада. Указав на особенности тактики декабристов, он обратил внимание на оторванность офицеров-дворян от солдатской массы, на пассивность последней, иными словами, высказал отсутствие необходимых субъективных предпосылок восстания.

Начало советского декабриствоведения совпало с подготовкой к столетней годовщине восстания 14 декабря. Юбилейная литература не была единой по своему характеру. Вместе с историками дореволюционного поколения А. Е. Пресняковым, П. Е. Щеголевым выступили молодые тогда исследователи С. Н. Чернов, М. В. Нечкина и др. Большой заслугой крупнейшего историка-марксиста М. Н. Покровского было стремление в противовес идеалистическим концепциям буржуазных ученых изучить экономическую почву декабризма. Хотя М. Н. Покровский порой весьма противоречиво оценивал деятелей 14 декабря, он пересмотрел свои прежние ошибочные взгляды, отрицавшие революционность декабристов.

В книгах и статьях видных историков-большевиков В. И. Невского, С. И. Мицкевича и других были отвергнуты сомнения М. Ольминского, следует ли отмечать годовщину восстания декабристов.⁴²

Утверждение ленинских взглядов в исторической науке, начавшееся в дни сотой годовщины восстания декабристов 14 декабря, показало всю беспочвенность и абсурдность притязаний на идейное наследие и традиции декабристов со стороны контрреволюционной белой эмиграции.⁴³

Торжественное празднование столетия со дня восстания 14 декабря явилось сильнейшим импульсом для расширения публикаторской и исследовательской работы, посвященной декабристам.

Ленинская концепция истории освободительного движения лежит в основе фундаментального труда академика М. В. Неч-

⁴² М. Н. Покровский и С. И. Мицкевич. Нужно ли праздновать юбилей декабристов. В сб.: Декабристы. 1825—1925, М., 1925.

⁴³ В числе авторов юбилейных статей о декабристах был, например, Д. С. Мережковский, который еще в 1917 г. напечатал о декабристах статью «Первенцы свободы» («Нива», 1917, № 16—17, апрель), вышедшую затем отдельной брошюрой с посвящением «продолжателю дела декабристов А. Ф. Керенскому». В дни юбилея 1925 г. сочувственные речи памяти декабристов с определенными политическими выводами посвящали на заседаниях в Сорбонне П. Н. Миллюков и В. А. Мясотин.

киной «Движение декабристов» (тт. I—II, М., 1955), где с необычайной тщательностью и обстоятельностью прокомментированы все высказывания В. И. Ленина о декабристах.

II

Виднейшими деятелями первого этапа освободительного движения в России наряду с Радищевым и декабристами были Белинский и Герцен, деятельностью которых В. И. Ленин всегда живо интересовался. Их имена он слышал в ранней юности от старшего брата, старшей сестры и отца, их произведение он прочитал еще в молодые годы, и, по воспоминаниям близких, эта литература имела громадное влияние на Ленина с очень ранних лет, ибо давала зарядку, звала к действию, толкала на поиски новых путей борьбы.¹

Ленинская мысль о том, что классы русского общества налагали свою печать на движение, требует правильного толкования и не позволяет прямолинейно объяснять происхождение всех явлений только определяющим воздействием соответствующей классовой основы. И если ряд авторов отмечали революционно-демократические черты мировоззрения Радищева, погибшего за два десятилетия до восстания декабристов, то тем с большим правом можно говорить о революционно-демократической идеологии А. И. Герцена и Белинского, зрелость которой наступила лет двадцать спустя после 14 декабря 1825 г.

В статье «Из прошлого рабочей печати в России» (1914) В. И. Ленин говорил о Белинском как о предтече разночинского этапа борьбы: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский».²

Подвижность граней эпох, взаимопроникновение различных тенденций, появление ростков новой эпохи еще в недрах старой — все эти особенности исторического развития полностью принимались во внимание В. И. Лениным, исключавшим всякий догматический подход к общественному прогрессу. И если в деятельности Белинского он видел предвестие разночинской революционности 60-х годов, то, «начиная от кружка петрашевцев», он вел происхождение той социалистической интеллигенции,³ которая появилась как заметная сила на арене обще-

¹ А. И в а н с к и й. Молодой Ленин. М., 1934, стр. 205.

² В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

³ В. И. Ленин. План писем о задачах революционной молодежи. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 438.

ственного движения в следующий период. Несомненно, что петрашевцев он считал утопическими социалистами, видел у них черты крестьянского социализма. «Зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше...».⁴ Это наблюдение, очевидно, может быть отнесено не только к Герцену, но и к петрашевцам. Но если представления Герцена об общине выяснены в достаточной степени, то взгляды петрашевцев, видевших порой в общинных устремлениях «дух социализма», более или менее подробно исследованы в этом отношении лишь недавно.⁵

40-е годы XIX в. уже потому можно считать важным этапом в развитии передовой русской мысли, что в это время приобрела огромный общественный резонанс идейно-теоретическая и литературно-критическая деятельность духовного наставника молодой России В. Г. Белинского.

Долгое время держалась традиция безоговорочно относить Белинского и Герцена к так называемому западничеству, противопоставляя этому направлению «славянофильство». Есть основание думать, что ленинская мысль не удовлетворялась этими несколько внешними определениями социально-политических направлений. Сознавая ограниченность термина «западничество», рисующего лишь одну сторону весьма богатого содержанием общественного течения 40—50-х годов и не выявляющего принципиальных разногласий среди самих западников, В. И. Ленин лишь однажды, и притом в полемике с П. Б. Струве, употребил термин «западничество».⁶ Для Ленина, видимо, была очевидна неправомерность отождествления начавшей формироваться демократической и революционной тенденции — левое западничество — с довольно аморфным и либеральным по своим склонностям западническим течением в целом.

Несмотря на то что в это время еще не произошло окончательного отделения либерального и демократического направлений в русской мысли, несомненно, что Белинский положил начало этому размежеванию.⁷ Представляя в тогдашних общественно-литературных течениях крайне левое крыло западни-

⁴ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 530.

⁵ В. Р. Лейкина-Свирская. Утопический социализм петрашевцев. В сб.: История социалистических учений, М., 1964, стр. 433—436.

⁶ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 422.

⁷ В. Р. Щербляна. Ленин и вопросы литературы. М., 1967, стр. 325—326.

чества, он по существу являлся уже зачинателем нового направления.

Действительно, уже в юношеской драме Белинского «Дмитрий Калинин» звучит суровый и гневный голос революционного разночинца, голос, поднявшийся в 40-х годах до высшего гражданского подвига в «Письме к Гоголю».

В глазах В. И. Ленина пафос, публицистическая острота мысли Белинского, его энергия бойца сохраняли свое обаяние и силу, как одна из замечательных традиций передовой русской мысли, и для пролетарских революционеров начала XX в.

«Его знаменитое „Письмо к Гоголю“, подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».⁸

О том, что Ленин с величайшей бережностью относился к наследию великого критика, подчеркивая его современное звучание, говорит и выступление руководителя большевистской партии против контрреволюционного сборника «Вехи».

В эпоху первой русской революции либеральная буржуазия предала дело освобождения страны от царского деспотизма и перешла в лагерь контрреволюции. Как писал в 1905 г. в газете «Пролетарий» В. В. Воровский, кадеты «отказались от родства с последовательно демократическими течениями русской общественной мысли и предпочли утвердить свою духовную преемственность со щедринским Балалайкиным».⁹

Подготовленный в период реакции кадетскими авторами сборник «Вехи» чернил наиболее видных представителей русского освободительного движения.

В посвященной этому сборнику статье «О „Вехах“» В. И. Ленин защитил имя В. Г. Белинского от нападок либеральных ренегатов. Выступая против кадетов-веховцев, В. И. Ленин объяснил, почему «Вехи» стремятся уничтожить Белинского как публициста. Разорвав окончательно с русским освободительным движением, кадетские теоретики делали вид, что они отрекаются не от демократии, а от «интеллигентщины», которую якобы представляли Белинский, Добролюбов, Чернышевский. По их мнению, знаменитое письмо Белинского к Гоголю являлось «пламенным и классическим выражением интеллигентского настроения».

В. И. Ленин с едким сарказмом отвечал на эти домыслы либеральных политиканов.

⁸ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 94.

⁹ Цит. по: А. И. Новиков. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965, стр. 184.

«Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть „интеллигентское“ настроение. . . Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»¹⁰

Данные В. И. Лениным в статье «О „Вехах“» оценки социально-классовых корней мировоззрения Белинского являлись замечательным вкладом в марксистскую методологию истории русской общественной мысли.

Полное одобрение В. И. Лениным негодующего письма Белинского к Гоголю, разумеется, следовало понимать не как противопоставление обоих писателей, а как последовательную защиту демократических устремлений и идей в русской литературе. Ведь в период 40—60-х годов, когда «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»,¹¹ лучшие русские писатели выступали провозвестниками грядущего освобождения народа, выражали в своих произведениях его чаяния и надежды даже в тех случаях, когда они не разделяли революционных идей. Поэтому в одной из последующих статей Ленин, цитируя пророческие стихи Некрасова о том времени, когда народ «Белинского и Гоголя с базара понесет», совершенно определенно подчеркивал ценность демократической литературы, пропитанной теми «идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогами Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси».¹²

В обстановке дворянско-бюрократической империи Николая I, достигшей в 40-е годы кульминационного пункта по части деспотизма и произвола, художественные произведения Гоголя несомненно приобретали антикрепостническое звучание, несмотря на субъективное примирение автора с мрачной действительностью.

Рядом с Белинским В. И. Ленин ставил имя зачинателя русской революционной печати А. И. Герцена, писателя, философа, политического деятеля, внесшего огромный вклад в развитие русской общественной мысли, в формирование передовых идеалов русских революционеров. В лице Герцена и его друга Н. П. Огарева дворянское поколение деятелей освободи-

¹⁰ В. И. Ленин. О «Вехах». Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

¹¹ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся?, стр. 520.

¹² В. И. Ленин. Еще один поход на демократию. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 83.

тельного движения непосредственно смыкалось с поколением разночинцев.

Напомним герценовскую характеристику декабристов («это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»), Ленин добавляет: «К числу таких детей принадлежал Герцен».¹³

Восприняв еще на студенческой скамье в середине 30-х годов сен-симонистские идеи и став одним из первых в России социалистов-утопистов, Герцен уже с начала 40-х годов вырабатывает собственное глубоко оригинальное материалистическое мировоззрение, становится крупным литературно-общественным деятелем, борцом за интересы угнетенного народа.

Герцен был очевидцем и, в известном смысле, участником революционных событий 1848 г. в Западной Европе, одним из провозвестников и организаторов революционной борьбы против царского самодержавия. «Колокол» Герцена разбудил поколения революционных борцов 60—70-х годов.

В начале XX в. в канун пролетарской революции в России вокруг имени Герцена разгорелась настоящая идейная битва. Идеологи русской буржуазии пытались представить себя продолжателями лучших традиций русской общественной мысли. Ставший верным слугой капитализма П. Б. Струве претенциозно назвал в 1905 г. свой журнал «Полярной звездой», намекая на продолжение традиций декабристов и Герцена.

Юбилейная статья В. И. Ленина «Памяти Герцена» внесла ясность и верный тон в эту путаницу и разногласицу.¹⁴

В своей работе В. И. Ленин с исчерпывающей полнотой определил историческое место Герцена в русском освободительном движении и дал глубокое, подлинно классовое объяснение процесса развития общественно-политических взглядов Герцена от дворянской революционности к революционному демократизму (см. вторую главу).

Ленинские оценки Белинского и Герцена получили в начале XX в. отражение и в статьях большевистских литераторов — В. В. Воровского, С. М. Кирова. Вслед за В. И. Лениным Воровский видит в Белинском предшественника разночинского движения 60—80-х годов, указывает на его отличие от либералов.¹⁵

¹³ В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

¹⁴ А. И. Володин. Юбилей Герцена 1912 г. и статья В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Исторические записки», т. 67, 1960.

¹⁵ А. И. Ноляков. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли, стр. 197.

Одним из первых усвоил выводы статьи «Памяти Герцена» С. М. Киров, который выступил в редактируемой им газете «Терек» с серьезным разбором лекции кадета Ф. Родичева о Герцене. Характеризуя крайний субъективизм лекции, в которой Герцену приписываются идеи той партии, представителем которой является лектор, Киров иронически прибавляет, что, по Родичеву, «Герцен будто бы начертил программу кадетской партии».

В публицистически яркой статье, опубликованной в «Терек», С. М. Киров, следуя характеристике Белинского, данной в статье Ленина «О „Вехах“», писал, что Белинский «воплотил в себе весь протест против окружающей гнусной действительности и все величие своего гения устремил к отысканию истины. „Истину назовите мне!“, — зывал он к проникновенному разуму. Жадно, неутомимо и страстно бросился он в поиски за ней, и мощный голос его, как трубный звук, стал оглашать мрачную эпоху, сзывая все живое и лучшее, способное воспринять правду-истину и правду-справедливость. От юношеской трагедии „Дмитрий Калинин“ до предсмертных писем его все проникнуто этим пылким исканием». Называя Белинского «Моисеем русской общественной мысли, который вывел ее из темных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма», Киров заявлял, что «Белинский приобрел огромное воспитательное значение и стал предтечей современного научного мировоззрения».¹⁶

Вряд ли нуждается в подтверждении мысль о воспитательном значении Белинского.

Белинский сыграл значительную роль и в идейном развитии первых русских марксистов. В комнате молодого Владимира Ульянова его сочинения были на полке еще в Симбирске в конце 80-х годов. От Белинского и Чернышевского, которых они называли своими первыми учителями, перешли к марксизму видные большевики-ленинцы из Армении Степан Шаумян и Сурен Спандарян, выдающиеся болгарские революционеры Димитр Благоев и Георгий Димитров. Первый теоретик и пропагандист марксизма в России Г. В. Плеханов завещал похоронить себя рядом с Белинским.

Если мысль о воспитательном значении творений великого критика неоспорима, то тезис о том, что Белинский стал предтечей научного мировоззрения, требует известного пояснения. Несомненно, что этот тезис развивает ленинские положения об оценке идейного наследия предшествующих поколений.

¹⁶ С. М. Киров. Великий искатель. «Литературная газета», 1939, 1 декабря.

Подчеркивая значение теоретических исканий великих русских социалистов и демократов разночинского периода, В. И. Ленин писал: «... роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...».¹⁷

Трудно переоценить значение 40-х годов в идейной жизни русского общества. Именно рубеж 40-х годов был назван В. И. Лениным, указавшим, что русская мысль с этих пор начала тот долгий тернистый путь поисков правильной революционной теории, который привел ее к марксизму.¹⁸ Совершенно несомненно, что Ленин имел здесь в виду Белинского и Герцена. Для Ленина была очевидна неразрывная связь философских и революционных убеждений Белинского и Герцена, исключительные достижения их теоретической мысли. Несомненно, что к Белинскому в полной мере относится ленинская оценка идейного наследия Герцена. «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя „алгебру революции“. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом».¹⁹

Этот в высшей степени замечательный вывод обращен к тому факту, что в области философии Герцен (это относится и к Белинскому) несомненно шел по пути, проделанному перед тем Марксом. Мысль эта заслуживает специального рассмотрения. Хотя в нашей литературе так или иначе признается этот вывод, пока еще нет трудов, где выяснялись бы черты несомненного сходства и принципиального различия в идейной эволюции Маркса и Энгельса, с одной стороны, Белинского и Герцена — с другой.

Отличительной чертой передовых мыслителей 40-х годов, включая Белинского, Герцена, петрашевцев, была склонность к материалистической философии, попытки найти реальные основы социалистического учения. Обращение к действительности, к экономическому строю как источнику познания о бу-

¹⁷ В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

¹⁸ В. И. Ленин. Детская болезнь «лепизмы» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

¹⁹ В. И. Ленин. Памяти Герцена. стр. 256.

дущем развитии общества несомненно являлось попыткой отыскать скрытые до Маркса и Энгельса пружины общественного развития.

В «Отечественных записках» в 1847 г. появилась статья участника кружка петрашевцев В. Милютин «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции». В центре внимания автора положение ткачей в Манчестере и Лионе, значение машины и разделения труда, кризисов и конкуренции — темы, которые всего за два года до того привлекли внимание Энгельса при написании книги «Положение рабочего класса в Англии». Милютин полагал необходимым «освободить утопию от ее мистического, мечтательного характера», а для того «изучить и понять действительность, раскрыть ее стремления и силы и сообразно с этим видоизменить самую мечту, сблизив ее с жизнью».²⁰

В четвертом письме Герцена из Парижа («Письма из Авеню Мариньи») в сентябре 1847 г. Герцен, доказывая законность исключительного внимания к политической экономии у современных мыслителей, пытается с ее помощью найти реальные основания для социалистического будущего. «Тот, кто не видит, что вопрос о материальном благосостоянии составляет великую половину всех вопросов современности, тот вовсе не знает, что делается на свете». Герцену представлялось крайне необходимым «вырвать у слепой случайности распределение сил и орудий, привести труд, ценность, плату, обладание к разумным началам, к неизбежным правилам, раскрыть действительные законы общественного достоинства».²¹

Вряд ли можно это обращение к поискам объективных закономерностей общественной жизни приписывать только знакомству русских мыслителей 40-х годов с сочинениями Маркса, хотя знакомство Белинского и Герцена с некоторыми ранними трудами основоположников научного социализма установлено достаточно точно.

Нельзя также объяснить одним лишь таким влиянием те небезытересные и весьма знаменательные параллели в литературно-критических отзывах Маркса и Белинского, на которые обращается внимание литературоведами.

Замечательные наблюдения Белинского по поводу отражения революции 1830 г. на страницах романа Эжена Сю «Парижские тайны» перекликаются с мыслями Маркса и Энгельса на эту же тему в «Святом семействе». Белинский, так же как

²⁰ В. А. Милютин, Избр. произведения, М., 1946, стр. 349.

²¹ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. V, М., 1955, стр. 234—235.

и Маркс, отмечает, что творцом революции явился народ, а плоды победы захватила буржуазия.

Маркс и Энгельс писали: «Когда дело было сделано, рабочих оттеснили в сторону и буржуазия одна воспользовалась плодами революции». ²² В. Г. Белинский: «Когда дело было кончено ревностью слепого народа, представители повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей и, загребая жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности». ²³ Положение народа в результате революции даже ухудшилось. «Французский пролетариат перед законом равен с самым богатым собственником. . . и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и по вине наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб. . . Хорошо равенство!».

Белинский подчеркнул также наивность представлений Эжена Сю о неверных законах: «Он не подозревает того, что зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества».

Белинский с мудрой проницательностью вскрывает буржуазную сущность сострадания Эжена Сю к народу, указывая, что последний действительно сочувствует бедствиям народа, но «как сочувствует — это другой вопрос. Он желал бы, чтоб народ не бедствовал и, перестав быть голодной, оборванной и частью поневоле преступною чернью, сделался сытою, опрятною и прилично себя ведущею чернью, а мещане, телерешние фабриканты законов во Франции, оставались бы по-прежнему господами Франции, образованнейшим сословием спекулянтов». ²⁴

Из этих отрывков наглядно видно, что Белинский оказывался способным увидеть антагонизм классовых интересов пролетариата и буржуазии, разглядеть эксплуататорскую сущность буржуазного государства, а также вскрыть мелкобуржуазную ограниченность неглубокой социальной философии Эжена Сю.

При сопоставлении оценок ряда явлений западноевропейской литературы Белинским, с одной стороны, и Марксом и

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 529.

²³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, М., 1955, стр. 171.

²⁴ Там же, стр. 174.

Энгельсом — с другой (это касается противоречий в творчестве Гёте, характеристики социального романа во Франции в 40-х годах — произведений Жорж Санд и Эжена Сю, отношения к поэзии Гейне, к реакционному романтизму Шатобриана и т. д.) бросается в глаза, что высказывания Белинского порою созвучны мыслям Маркса.²⁵

Белинский, конечно, не понимал всемирно-исторической миссии пролетариата, но он выступал как убежденный революционер, отвергая как реформистские, так и заговорщические средства. Вместе с Вейтлингом он был одним из первых мыслителей, кто признал, что путь к социализму ведет через народную революцию.

Будучи самостоятельным и оригинальным мыслителем, Белинский не удовлетворялся современными ему философскими системами. Он вплотную подошел к диалектическому материализму, но в силу отсталости русской жизни не мог распространить материализм на явления общественной жизни. Вместе с тем Белинский ясно чувствовал необходимость философской «революции». С надеждой ждал он прихода «основателя новой философии». Его предвидения новой философии сбывались уже в то время, вместе с появлением первых произведений Маркса и Энгельса.

Исторический материализм, как и научный социализм в целом, были ответом на теоретические запросы Белинского. «Если бы Белинский дождал до нашего времени, — писал полвека спустя Г. В. Плеханов, — то он отдохнул бы наконец душою... с обычной своей страстностью, своими вдохновенными словами приветствовал бы он начинающееся пробуждение русского пролетариата и, умирая, искренне позавидовал бы тем счастливым, которые доживут до дня его победы».²⁶

Нельзя исключить того, что духовное развитие Белинского могло бы пойти по пути сближения с революционным пролетариатом. Об этом пишет Г. В. Плеханов, это, видимо, допускал и Ф. М. Достоевский. Рассказывая о влиянии Белинского на социалистические идеалы своей молодости, Ф. М. Достоевский не соглашался с теми, кто говорил, что Белинский мог кончить славянофильством: «Белинский, — писал он в «Гражданине» в 1873 г., — может быть, кончил бы эмиграцией, если бы прожил дольше и, если бы удалось ему эмигрировать,

²⁵ Р. М. Самарин. Зарубежная литература первой половины XIX в. в оценке В. Г. Белинского. М., 1958; см. также: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960.

²⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. X, М.—Пгр., 1924, стр. 348.

скитался бы теперь маленьким и восторженным старичком, с прежнею теплою верой, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии». А так как Достоевский говорит в начале статьи об Интернационале, его мысль о конгрессах представляется совершенно ясной.²⁷

Как пишет современный исследователь мировоззрения Белинского, «удивительно не то, что Белинский не был и не мог быть в условиях самодержавно-крепостнической России пролетарским революционером. Удивительно другое: как Белинский, идеолог крепостного крестьянства, мог так глубоко проникнуть в тайны капиталистического строя, разгадать эксплуататорскую сущность буржуазного государства, подчеркнуть непримиримость интересов буржуазии и пролетариата, выразить твердую уверенность в грядущей победе трудящихся масс над эксплуататорами».²⁸

Начиная с 40-х годов XIX в. происходит поразительный взлет русского ума и таланта, своего рода идеологическое «чудо». В одной из самых отсталых стран Европы, в стране, скованной феодально-крепостническими узами, подавленной свирепым николаевским режимом, расцветает подлинно народная по своим идеалам литература, выступает на арену общественной борьбы передовая демократическая и революционная мысль. Ее лучшие представители — Белинский и Герцен — были в курсе новейших достижений западноевропейской науки, хорошо знакомы с трудами немецких философов и французских утопистов.

Маркс и Энгельс открыли, что противоречие между передовой идеологией и отжившей системой общественных отношений может проявляться не только в рамках одной страны, но и в связи с изучением практики других наций. Мировоззрение Белинского и Герцена служит одним из ярких примеров этого замечательного наблюдения.

В эпоху, когда на Западе торжествующий капитализм уже обнаружил свою антинародную сущность, русские революционные демократы выступили с критикой буржуазного строя, объявили себя социалистами, пытались найти путь к социализму для России.

Как и Маркс в начале 40-х годов, русские мыслители начинают отходить от буржуазно-демократических иллюзий, ста-

²⁷ Ф. М. Достоевский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1886, стр. 152.

²⁸ И. Я. Дьяков. Мировоззрение В. Г. Белинского. Амурское книжн. изд., 1962, стр. 125.

Новятся на сторону народных масс, преодолевают многие ошибки утопического социализма. Свои надежды на социалистическое переустройство общества они связывают с деятельностью народа, справедливо признавая его ведущей силой общественного развития, готовятся к народной революции, считая ее главным орудием исторического прогресса. Мучительные поиски истины сопровождались яркими озарениями мысли, самостоятельными наблюдениями и выводами, которые свидетельствовали о том, что корифеи русской мысли стремились найти для социализма научную основу. В условиях феодально-крепостнической России им не было дано пройти до конца путь Маркса, примкнуть к революционному пролетариату, но их мировоззрение несомненно развивалось по направлению к научному социализму.

Известно, что великие утописты Запада надеялись на мирное осуществление своих мечтаний. Они отрицательно относились не только к революционным средствам борьбы, но также и к политической деятельности, упоая на великодушные правители и сознательность эксплуататорских классов.

По сравнению с большинством западно-европейских утопистов начала XIX в. русскому утопическому социализму в гораздо большей мере были свойственны ориентация на историческую деятельность масс, на революционные, а не либерально-реформаторские способы действия, устремленность к активной политической деятельности. Русским революционерам-демократам уже стала ясна ограниченность буржуазной демократии, они убедились, что противоречия между пролетариатом и буржуазией непримиримы. При всем сочувствии к идеям западноевропейских социалистов начала XIX в. русские мыслители убедились в их незавершенности. Порицая утопистов за отрыв от действительности, за дух прожектерства, Герцен признавал, что у великих предтеч нового мира «чего-то недостает»,²⁹ что все эти школы от Сен-Симона до Прудона — только «первый лепет», «чтение по складам». Белинский и Герцен в своих исканиях правильной революционной теории еще в 40-х годах поставили вопрос о необходимости научной теории для социализма. Правда, они остались утопическими социалистами, ибо не подозревали еще об исторической миссии рабочего класса, лишь смутно догадывались о значении классовой борьбы как двигателя исторического про-

²⁹ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. II, М., 1954, стр. 345.

гресса. И все же они сделали огромные шаги в общественной науке.

Благодаря особой остроте классовых антагонизмов в крепостнической России Белинский и Герцен — подлинные выразители интересов народа — в поисках надежных путей освобождения родины, в поисках правильной революционной теории выдвинулись на одно из первых мест в домарксистской философии, сумели встать в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Демократы и революционеры, они сыграли, говоря словами В. И. Ленина о Герцене, «великую роль в подготовке русской революции».³⁰

³⁰ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 255.